

Кто решил, что это классика

Как складывается список книг, которые «надо знать», кто его правит и почему он всё время меняется

Литература · 13–17 лет · 13 минут

Список обязательных книг выглядит так, будто он существовал всегда. На самом деле его собирали живые люди с определёнными взглядами, довольно недавно, и с тех пор переписывали не раз. Знать, как он устроен, полезнее, чем спорить, справедлив ли он.

Список, который выглядит вечным

В школьной программе есть книги, которые ты обязан прочесть. В списках «сто книг, которые надо знать» — примерно те же имена. Они повторяются из года в год, из страны в страну, и от этого возникает ощущение, что список существует сам по себе, как таблица умножения.

Это ощущение ложно, и полезно понять, почему.

Список собрали люди. Конкретные, с именами, жившие в определённое время и считавшие определённые вещи важными. Собрали недавно — большая часть нынешних школьных программ сложилась в последние полтора века. И с тех пор список переписывали, причём каждый раз со скандалом.

Понимать, как устроена эта машина, полезнее, чем занимать в споре ту или иную сторону.

Канон

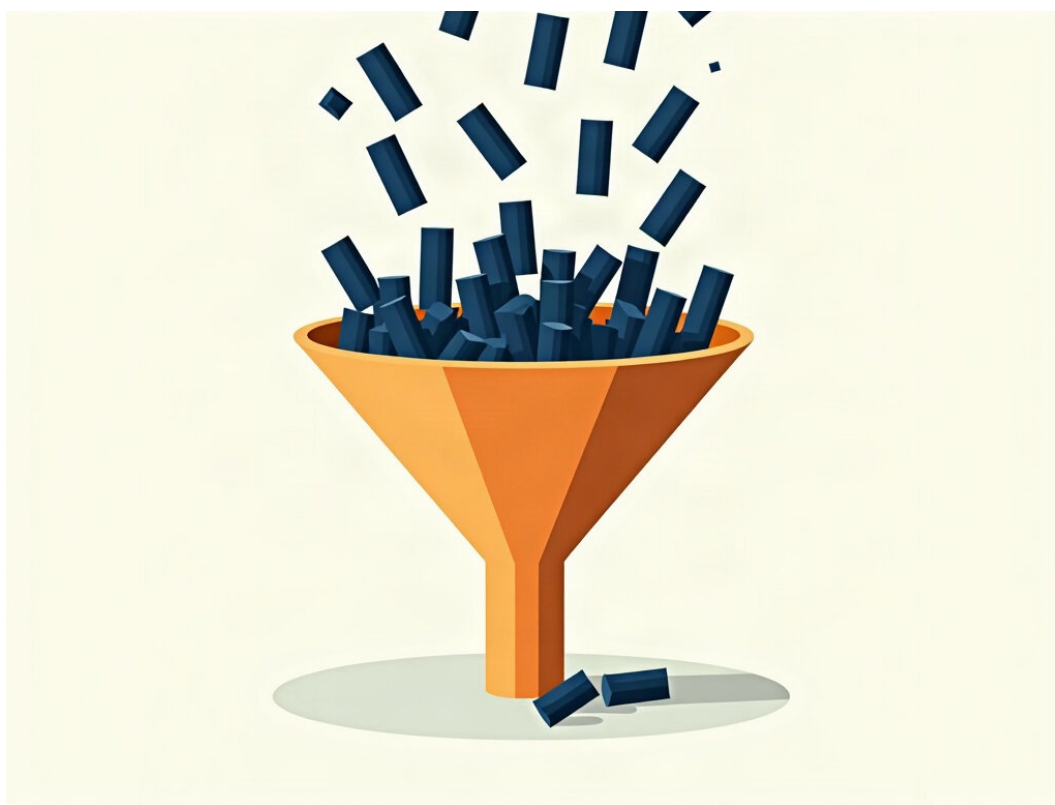
Набор произведений, признанных в данной культуре образцовыми и обязательными для образованного человека. Слово греческое и означало изначально «мерный шест», «линейку» — то, чем проверяют прямизну. В христианской традиции канонem называли список книг, признанных подлинными, в отличие от отвергнутых. Литературный канон унаследовал у обоих значений главное: это одновременно перечень и мерка.

Как книга попадает в список

Разберём механику. Ни одна книга не становится классикой сама.

Сито времени. Первое и самое грубое условие — книгу должны продолжать читать, когда умерли все, кому она была адресована. Из написанного в любое десятилетие переживает своё время ничтожная доля; остальное исчезает не потому, что плохо, а потому, что его перестали переиздавать.

Школа. Самое мощное устройство. Книга, попавшая в программу, получает миллионы читателей в год, независимо от того, хотят они её

Через сито времени проходит малая часть написанного

читать или нет. Она остаётся в языке: из неё берут цитаты, на неё ссылаются, её пародируют. Выпав из программы, книга довольно быстро уходит из общего обихода — не потому, что стала хуже.

Спор об авторе. Про хорошую книгу должно быть что сказать. Тексты, которые исчерпываются одним прочтением, выпадают, даже будучи отличными. В каноне удерживаются вещи, допускающие несогласие: их можно перечитывать и видеть новое.

Удача. Роль случая огромна, и её обычно стесняются. Автора заметил влиятельный критик. Рукопись не сгорела. Вдова не сожгла архив, хотя обещала. Из трёх равных книг в канон попадает та, у которой оказался кто-то заинтересованный.

Книги, которые вернулись

Лучшее доказательство того, что список подвижен, — истории возвращения.

Некоторые книги возвращаются через сто лет после забвения

Иоганна Себастьяна Баха после смерти играли редко: считали устаревшим, слишком учёным, немодным. Через восемьдесят лет молодой Мендельсон исполнил его «Страсти по Матфею», и репутация переписалась заново. Сегодня немыслимо представить, что Бах когда-то был «несовременным» — а он им был, и долго.

С литературой то же. Мелвилла при жизни считали автором приключенческих книжек о море, «Моби Дик» провалился, умер он почти забытым. Интерес вернулся через семьдесят лет, в 1920-е, и теперь роман стоит в любом списке.

Обратные примеры встречаются реже, но существуют. Авторы, чьи собрания сочинений стояли в каждом доме, сегодня не читаются ни-

кем, кроме специалистов. Их не запрещали и не разоблачали — они просто перестали отвечать на чьи-либо вопросы.

Вывод из этих историй простой и отрезвляющий: **репутация — не свойство книги, а отношения между книгой и временем.** Одна сторона отношения меняется постоянно.

О чём на самом деле спорят

Последние полвека вокруг канона идёт шумный спор, и его легко принять за скандал о вкусах. Он не о вкусах.

Спор о списке — всегда спор о том, кто мы

Заметили простую вещь: составители списков веками принадлежали к довольно узкому кругу. Отсюда следствие, которое трудно отрицать: в каноне мало женщин, мало авторов из-за пределов Европы, мало голосов тех, кто не имел доступа к печати. Это не обязательно за-

говор — чаще обычная близорукость: люди отбирали то, что говорило с ними, а говорило с ними то, что писали похожие на них.

Дальше начинается разногласие.

Надо ли переписывать список

Надо. Канон выдаёт себя за общечеловеческий, а собран узкой группой. Если в списке нет почти никого за пределами одного круга, он описывает не литературу, а вкус этого круга. Расширять его — не уступка моде, а исправление ошибки выборки.

Осторожно. Ценность канона в том, что он общий: если каждое поколение переписывает список под себя, исчезает возможность разговора через века. К тому же место в списке конечно — добавляя одно, вычёркиваешь другое, и решения принимаются под сегодняшним давлением, которое через двадцать лет покажется случайным.

Заметь, что обе стороны согласны в главном: список неполон и составлен людьми. Разногласие — о том, чинить его быстро или медленно.

Есть и третья позиция, которую стоит знать: сама идея одного списка для всех устарела. Раньше канон решал задачу доступа — книг было мало, и надо было понять, какие переиздавать. Сегодня доступно почти всё, и функция списка сменилась с «что вообще читать» на «с чего начать».

Зачем список всё-таки нужен

Из всего сказанного легко сделать вывод, что канон — предрассудок, и читать надо что хочется. Вывод соблазнительный и неверный.

Общий язык. Когда собеседники читали одни и те же книги, разговор идёт короче: достаточно упомянуть героя, и не надо пересказывать. Культура держится на таких сокращениях, и чем меньше общего прочитано, тем длиннее приходится объяснять простые вещи.

Соппротивление. Книга из списка почти наверняка старая, написана иначе, чем говорят сейчас, и требует усилия. Это её достоинство, а не изъян: читая только то, что даётся легко, не научишься ничему, кроме того, что уже умеешь. Канон — тренажёр с гарантированным весом.

Проверка временем. «Многие читали и не выбросили» — слабый, но не пустой довод. Он ничего не говорит о том, понравится ли книга тебе, зато говорит, что там есть за что зацепиться.

Честная оговорка: ни один из трёх доводов не доказывает, что в списке именно те книги, которые должны быть. Они доказывают только, что какой-то список полезен.

Кто составляет список на самом деле

Полезно посмотреть, через чьи руки проходит решение. Их больше, чем кажется, и почти никто из них не ставит себе задачу «формировать канон».

Издатель. Решает, что переиздать. Книга, которую не переиздают двадцать лет, физически исчезает из обихода — независимо от достоинств. Решение принимается по тиражам прошлого года, а не по вечности.

Составитель программы. Работает с жёсткими ограничениями: объём часов, возраст читателей, требования к темам. Отличная книга может не попасть в список, потому что в ней сцена, неуместная для четырнадцатилетних, или потому что она длиннее, чем помещается в четверть.

Премии. Дают книге год громкой известности. Это резко повышает шансы попасть в сито, хотя жюри и не думает о столетиях: оно выбирает лучшее за год из того, что успело прочесть.

Университет. Тихий, но решающий участник. Если о книге пишут диссертации, вокруг неё нарастает слой разговора, и она удерживается в поле зрения. Литературоведение отчасти само производит важность того, что изучает.

Экранизация. Современный и недооценённый механизм. Фильм возвращает в тираж роман, о котором помнили немногие, и делает это мощнее любой премии.

Заметь общее: ни один участник не принимает решения «это классика». Каждый решает свою узкую задачу, а канон складывается как побочный результат — примерно так же, как тропинка через газон складывается из шагов людей, которые просто шли по своим делам.

Как читать классику, не притворяясь

Практическая часть, ради которой стоило всё это разбирать.

Разрешить себе не полюбить. Книга в списке не обязана нравиться. Обязательство — прочесть и понять, почему её считают важной. Это разные вещи, и их постоянно путают, отчего рождается и притворство, и ненависть.

Узнать, на что она отвечала. Почти всякая великая книга была ответом на что-то: на другую книгу, на спор, на положение дел. Прочитав пять строк о том, что происходило вокруг, часто понимаешь, что казавшееся скучным было дерзостью.

Не спорить с языком. «Так сейчас не говорят» — верно и бессмысленно. Старый язык — часть вещи; жаловаться на него всё равно что жаловаться, что в чёрно-белом фильме нет цвета.

Помнить, что список правят. Ты читаешь не скрижали, а рабочий документ, который правили до тебя и будут править после. В том числе, возможно, и ты.

Что делать, если книга из списка тебе отвратительна

Отдельный случай, который стоит разобрать честно, потому что обычно его заминают.

Иногда неприязнь к книге из программы — не лень и не непонимание. В старых текстах встречается то, что сегодня читается как оскорбление: презрение к целым народам, к женщинам, к беднякам, поданное как само собой разумеющееся. Автор не спорит с этим и не подаёт как позицию героя — он просто так думает, и книга на этом стоит.

Есть три способа обойтись с этим, и все три встречаются.

Не замечать. «Тогда все так думали, смотри на художественные достоинства». Способ удобный и нечестный: он требует читать вполглаза.

Вычеркнуть. Убрать книгу из списка. Способ последовательный, но у него неприятное следствие: вычёркивать придётся почти всё, потому

что почти в любом старом тексте найдётся то, что нам сегодня отвратительно.

Читать с открытыми глазами. Признать, что книга великая и в этом месте отвратительная, и не смягчать ни то ни другое. Способ самый трудный, потому что не даёт покоя ни в одну сторону.

Третий и есть взрослое чтение. Оно не требует ни оправдывать автора, ни отказываться от книги. Оно требует держать в голове две мысли сразу — а это умение, ради которого вообще стоит читать трудные вещи.

Главное в трёх строчках

- Канон не существует сам по себе: его собирали конкретные люди недавно, и с тех пор он не раз менялся — репутации возвращались и исчезали.
- В список книга попадает не только по достоинствам, но и через школу, спор критиков и обыкновенную удачу.
- Спор о переписывании канона идёт не о вкусах, а о том, кто составлял выборку, — при этом обе стороны согласны, что список неполон.

Вопросы для размышления

- Если книга сто лет никому не была нужна, а потом стала великой, что именно изменилось — книга или читатели?
- Место в школьной программе конечно. По какому правилу ты бы решал, что вычеркнуть, чтобы добавить новое?
- Чем «мне не понравилось» отличается от «это плохая книга» — и в каком случае второе высказывание вообще можно защитить?